
Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы*

Часть II

© 2020 г. А.Н. Круглов

*Российский государственный гуманитарный университет, философский факультет,
Москва, 125993, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6.*

E-mail: akrouglov@mail.ru

Поступила 12.02.2020

С началом Великой Отечественной войны с новой остротой, но в других исторических условиях в Советском Союзе разгорелась старая дискуссия о Канте. На этот раз ее предметом явилась кантовская философия как составная часть так называемой немецкой классической философии, а также ее роль в становлении германского национал-социализма и его агрессивной внешней политики. Для понимания истоков этих споров автор первоначально обращается к дискуссии о Канте как олицетворении германского милитаризма во время Первой мировой войны, возникшей под влиянием доклада В.Ф. Эрн «От Канта к Круппу», в которой русские марксисты участия практически не приняли. Взгляд на Канта и его философию у русских марксистов автор исследует, обращаясь к истории первых публикаций кантовских сочинений («Пролегоменов» и докритических произведений) в период после Октябрьской революции 1917 г. и вплоть до начала Великой Отечественной войны. Детали споров о Канте во время Великой Отечественной войны анализируются на примере двух его главных событий: публикации брошюры В.Ф. Асмуса «Фашистская фальсификация классической немецкой философии» (1942 г.) и отмены в 1944 г. Сталинской премии, ранее присужденной за третий том «Истории философии» (1943 г.). В завершение автор оценивает итоги этого спора военного времени с современной перспективы, учитывающей нынешнее знание о национал-социализме и вовлеченности немецких философов-кантоведов в нацистское движение, а также послевоенных столкновений по поводу ответственности кантовской философии за события Второй мировой войны.

Ключевые слова: И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, марксизм, фашизм, национал-социализм, Великая Отечественная война, категорический императив, В.Ф. Эрн, В.Ф. Асмус.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-169-189

Цитирование: *Круглов А.Н.* Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть II // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 169–189.

* Статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929, «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах» на базе БФУ им. И. Канта (лаборатория «Кантианская рациональность»)

Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The look 75 years after the Victory Part II*

© 2020 Alexei N. Krouglov

*Russian State University for the Humanities, Faculty of Philosophy,
6, Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.*

E-mail: akrouglov@mail.ru

Received 12.02.2020

With the outbreak of the Great Patriotic War, in the Soviet Union, an old discussion about Kant began again under the new conditions. This time, its issue was Kant's philosophy that was a part of the so-called Classical German Philosophy and the role of this philosophy in the formation of German National Socialism with its aggressive foreign policy. To understand the origin of the dispute, I initially turn to the debates on Kant as the face of German militarism during the First World War. They were initiated with V.F. Ern's paper "From Kant to Krupp" and almost ignored by Russian Marxists. The Marxist view of Kant is investigated by the reference to the history of Kant's treatises ("Prolegomena" and pre-critical works) first publications after the October revolution of 1917 till the beginning of the Great Patriotic War. Details of the dispute over Kant during the Great Patriotic War are analyzed through the lens of two significant events, namely the publication of V. F. Asmus's paper "Fascist Falsification of Classical German Philosophy" (1942) and the cancellation of the Stalin award for the third volume of "The history of philosophy" (1943) in 1944. In conclusion, I evaluate the results of this war-time discussion from the contemporary perspective that considers the modern understanding of both National Socialism and the involvement of German Kant Scholars into the Nazi movement. The perspective also takes into account post-war debates on Kant's philosophy responsibility for unfortunate events of the Second World War.

Keywords: I. Kant, G.W.F. Hegel, Marxism, fascism, National Socialism, the Great Patriotic War, categorical imperative, V.F. Ern, V.F. Asmus.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-169-189

Citation: Krouglov, Alexei N. (2020) "Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The look 75 years after the Victory. Part II", *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2020), pp. 169-189.

III. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: «фашистские фальсификации» и третий том «Истории философии»

Выходу первого тома докритических произведений Канта помешало начало Великой Отечественной войны, а не репрессии в адрес Сливкера, который был арестован через три года после выхода второго тома, в 1943 г. С началом Великой Отечественной войны не только философия Канта, но и так называемая немецкая классическая

* This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 075-15-2019-1929, "Kantian Rationality and Its Impact in Contemporary Science, Technology, and Social Institutions" provided at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad (Kantian Rationality Lab & Academia Kantiana).

философия, терминологически изобретенная Энгельсом в 1886 г. [Engels 1975; Энгельс 1961а], в целом оказались под подозрением в силу того, что находились желающие рассматривать их в качестве предтеч национал-социализма, причем – что удивительно – по обе стороны фронта. Несмотря на то что еще во времена Первой мировой войны довольно быстро стали слышаться обвинения Канта и иных немецких философов в германском милитаризме, это не делало тогда невозможным издание в России произведений немецких философов, причем даже таких националистически окрашенных, как автора «Речей к немецкой нации» Фихте [Фихте 1916]. Внешние и внутренние условия в Советском Союзе с первых дней Великой Отечественной войны выглядели существенно иначе. Академик Т.И. Ойзерман (1914–2017) вспоминал о чтении лекции об учении Фихте буквально через несколько дней спустя 22 июня 1941 г.: «Это было для меня сплошной мукой, так как, излагая его философию, я все время молчаливо вспоминал его шовинистические речи к немецкой нации в период борьбы с Наполеоном» [Ойзерман 2005, 99]. Уже летом 1941 г. вновь стали актуальными обвинения в адрес кантовской философии, в столь яркой форме выдвинутые еще Сараджеввым. Дело усугублялось и высказываниями ряда немецких философов и идеологов. Однако тематика «От Канта к Круппу», взбудоражившая российскую общественность во время Первой мировой войны, в период Великой Отечественной войны никакого серьезного отклика не нашла, а единственным известным мне напоминанием о ней явилось выступление академика И.П. Трайнина (1887–1949), автора сочинения о фашистской диктатуре [Трайнин 1942], на заседании Академии наук в 1943 г., в котором четко и недвусмысленно говорилось: «Мы, марксисты, не тянем нить от Лессинга и Канта к Круппу и Гитлеру, как это делают шовинисты. Мы понимаем, что Лессинг и Кант – это одна историческая эпоха, а Крупп, Трейчке, Ницше, Шпенглер и Гитлер – нечто иное» [Там же, 169].

И все же обвинения Канта и иных немецких философов как предтеч национал-социализма звучали, а попытки прочертить линии от Канта к национал-социализму имели место вопреки Трайнину и среди марксистов. В защиту Канта и немецкой философии выступил Асмус, опубликовавший летом 1942 г. брошюру «Фашистская фальсификация классической немецкой философии»¹, а в июльском номере журнала «Под знаменем марксизма» за тот же год – статью «Фихте действительный и фашистский миф о Фихте» [Асмус 1942б], значительные пассажи которой воспроизводят соответствующий раздел из брошюры. Асмус вступил в полемику с нацистами Г. Шварцем, А. Боймлером, К. Циммерманом, Э. Ротакером и А. Розенбергом. Найти какие-либо подтверждения того, что выступления Асмуса были замечены в Третьем рейхе и на них последовала какая-либо реакция, мне не удалось. Вероятнее всего, по ту сторону фронта они остались неизвестными, как это имело место и во время Первой мировой войны со статьями Эрна. Тематически брошюра Асмуса созвучна более развернутой статье Баммеля «О фашизации истории философии в Германии», опубликованной еще в 1936 г. В значительной мере пересекается и круг рассматриваемых ими нацистских историков философии и идеологов, хотя у Баммеля он в отношении Канта значительно шире и разнообразнее. Сегодня этот подбор Асмуса может показаться странным по причине присутствия не столь влиятельных фигур и отсутствия, напротив, более значимых персонажей. Однако необходимо учитывать огромную разницу между нашим сегодняшним знанием о периоде национал-социализма и перспективой 1936–1942 гг. изнутри Советского Союза.

Баммель за пять лет до начала Великой Отечественной войны утверждал: «Идеологи Третьей империи никак не могут сговориться, как должен выглядеть унифицированный Кант [...] Розенберг приемлет из Канта априоризм, субъективизм, и кантовский дуализм – деление мира на мир вещей в себе и мир явлений. Но Кант – идеолог либерализма, он под влиянием идей эпохи Просвещения. Эта сторона в Канте конечно для Розенберга неприемлема. Неприемлемы для него и кантовская идея вечного мира народов и пацифистские идеи. [...] фашистская фальсификация философии Канта заключается в том, что из его философии вытравливается все, что было материалистическим, рациональным, прогрессивным, все, что наносило удары по Средневековью, все,

что имело хоть какое-то отдаленное отношение к эпохе Просвещения. Именно таково отношение фашистов к Канту, как оно изложено в “Der Mythos des XX. Jahrhunderts”» [Баммель 1936, 250–251]. Однако ни на эту статью, ни на ее автора, использовавшего даже понятие «фашистской фальсификации», Асмус в 1942 г. сослаться не мог: даже если оставить в стороне их натянутые личные отношения [Корсаков 2018, 403], Баммель был арестован в 1937 г. и через два года скончался в лагере. Кроме того, между публикациями Баммеля и Асмуса существовал непродолжительный период времени, когда после заключения в августе 1939 г. договора о ненападении между Германией и Советским Союзом сам термин «фашистская фальсификация», которым пользовались также и историки, оказался крайне нежелательным, в связи с чем, например, осенью 1939 г. известный историк, академик Е.В. Тарле (1874–1955), не смог опубликовать по цензурным соображениям статью под названием «Фашистская фальсификация исторической науки в Германии»², хотя с его предыдущей антифашистской статьей в сборнике, подписанном в печать в феврале 1939 г., подобных проблем не возникло [Тарле 1939a]³. Показательны в этом отношении и две статьи о немецкой философии Сливкера 1939 и 1940 гг. В первой автор еще подчеркивал: «Буржуазия отвернулась от величайших достижений предшествующего развития человеческой мысли и все больше втоптывает их в грязь. Фашизм стремится к разрушению вековых сокровищ общечеловеческой культуры. Подлинным наследником всей предшествующей культуры, высших достижений человеческой мысли до Маркса и в особенности гегелевской диалектики явился рабочий класс» [Сливкер 1939, 166]. Во второй же статье всякое упоминание фашизма отсутствует [Сливкер 1940, 25–35].

Основную линию защиты Асмус начертал еще в статье «Философская культура под сапогом фашизма» [Асмус 1936, 189–224] и в рецензии 1937 г. на издание Фихте. Согласно этой линии, современный фашизм «подхватывает, раздувает, преувеличивает, восхваляет» то, что относится к «реакционной стороне национализма Фихте», хотя между «варварством современного немецкого фашизма, втоптавшего в грязь славные научные традиции», «каннибальским национализмом современных фашистов» и подлинным Фихте пролегает непроходимая пропасть, причем этот «подлинный» Фихте на деле служит прямым изобличением фашизма и противостоит «деятельности современных фашистских мракобесов» [Асмус 1937, 196]. Сходная аргументация выдвигалась им в 1942 г. и в защиту Канта, и в защиту Гегеля; различия же касались, в основном, того, что «реакционная», отягощающая сторона этих мыслителей имела разный вес. Детальное сравнение статьи Асмуса 1936 г. и его брошюры 1942 г. показывает, что в последней присутствуют обширные заимствования из статьи про фашистскую культуру [Асмус 1936, 190–193, 202–204, 206–207, 213–214, 214–216]. Более того, сама брошюра в значительных разделах представляет собой лишь обработку более ранней статьи.

Асмус решительно отвергает отождествление национал-социалистской Германии с Германией как таковой: «Передовые народы человечества, и в первую очередь народы Советского Союза, далеки от того, чтобы на основании несчастья, в какое впала Германия, временно помыкаемая фашистами, отождествить культурное одичание сегодняшней Германии с подлинно великой культурой Германии классического периода. “...Было бы смешно, – говорит товарищ Сталин, – отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории учит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается”» [Асмус 1942а, 3–4]. Асмус ссылается здесь на знаменитый приказ народного Комиссара Обороны № 55 от 23 февраля 1942 г.

Полемические аргументы Асмуса направлены, во-первых, на то, чтобы подчеркнуть, что подлинным наследником немецкой классической философии является марксистско-ленинская философия, но не потому, что, как отмечал Иовчук во втором издании «Пролегоменов», лишь международный пролетариат оказывается единственным законным наследником всей мировой культуры, а потому, что немецкая классическая философия есть теоретический источник и составная часть марксизма-ленинизма:

«Не забывая ни на минуту о несоизмеримости учений диалектического и историческо-го материализма со всеми предшествующими философскими системами классического идеализма, философия марксизма не забывает и о своих теоретических источниках, и о своих идейных предшественниках. И Маркс, и Энгельс, и Ленин гордились великолепной философской родословной марксизма. Они гордились тем, что марксизм в числе своих теоретических родоначальников может называть имена Канта, Фихте и Гегеля» [Асмус 1942а, 3]. Асмус явно имеет в виду, в первую очередь, слова Энгельса [Энгельс 1961b, 323]. Во-вторых, он опровергает духовное родство немецкой классической философии и нацизма, ибо «фашизм пытается доказать, будто у его духовной колыбели стоит длинный ряд знаменитых и подлинно великих мыслителей. [...] Он пытается установить мнимую связь, ведущую от идей подлинно великих философов прошлого – Канта, Фихте, Гегеля, – к угрюмому и кроважидному бреду “Борьбы” Гитлера, к крикливому пустозвонству розенберговского “Мифа”, к реакционным измышлениям Альфреда Боймлера» [Асмус 1942а, 2; Асмус 1942б, 51].

В качестве образцового фальсификатора философии Канта у Асмуса выступает сегодня мало кому известный Герман Шварц (1864–1951), автор «Национал-социалистического мировоззрения» [Schwarz 1933]: «...исторический Кант, апологет и пропагандист рассудка, немецкий теоретик Просвещения и буржуазной французской революции, не нужен современному фашизму. Кант, восхваляемый фашистскими философами истории, есть Кант воображаемый, фальсифицированный. Он создан ненавистью к материализму и рационализму, а также к социально-политическим идеям просвещения. Воображаемый, сочиненный фашистами Кант не учится у Руссо, но, напротив, лишь “преодолеывает” Руссо и поучает его с высоты едва ли не гитлеровского истинно немецкого идеализма, с позиций едва ли не розенберговского “историзма”» [Асмус 1942а, 17]. Но этот фальсифицированный Кант, согласно Асмусу, не является полной фантазией, ибо все же имеет некоторые искаженные черты сходства с реальным историческим персонажем. Метод подобной фальсификации историк философии объясняет, как и в своей более ранней рецензии на сочинение Фихте, следующим образом: «В своей пропаганде и в своей поддельвающейся под науку философской литературе они (фашисты. – А.К.) ставят в центр внимания не те стороны классических философских учений, которые создали славу немецкой философии, но, как раз напротив, те отжившие, реакционные идеи и заблуждения, в которых сказалась слабость немецкого классического идеализма, ограниченность его мышления, порожденные уродливыми специфическими немецкими условиями и обстоятельствами исторического развития» [Там же, 46].

Помимо нежелания нацистов видеть подлинные заслуги Канта, благодаря которым он оказался одним из теоретических источников марксизма-ленинизма, Асмус указал несколько конкретных черт фальсификации его философии: наряду с уже упоминаемым искажением отношения Канта к Руссо и Просвещению это истолкование кантовской философии долга в смысле, характерном «для государства прусских чиновников и мещан» [Там же, 21] (в предшествовавшем варианте Баммеля – в смысле «оправдания концентрационного лагеря и казармы, то бишь “прусского социализма”» [Баммель 1936, 254]), отрицание кантовского космополитизма, а также игнорирование кантовского неприятия войны [Асмус 1942а, 19–20] (правда, удивительным образом Асмус совершенно не упомянул при этом знаменитый кантовский трактат «К вечному миру»⁴): «При всей беззастенчивости, с какой фашисты стремятся превратить Канта в антагониста Руссо, в антагониста французского и немецкого Просвещения, в предшественника националистического и даже фашистского понимания “человечности”, из их стараний ничего не выходит. Даже Шварц, который особенно потрудился над извращением истории немецкой философии, отступает перед Кантом. Он только провозглашает свои утверждения о Канте, но даже не пытается их доказать за отсутствием доказательств в самом содержании предмета» [Там же, 20–21].

Асмус убежден в том, что подобные фальсификации и «небылицы, какие в фашистских книгах плетутся о немецких философях и писателях» [Там же, 48], стали возможны потому, что сами произведения классиков немецкой философии широкие

круги немецкой молодежи не читают: «В фашистской Германии сочинения подлинных Канта, Фихте, Гёте, Гердера и Гегеля покрываются пылью на полках библиотек. Немецкий народ, немецкая молодежь не имеют возможности читать и изучать их книги, усваивать их подлинные идеи. Немецкая молодежь, одурманенная фашистской пропагандой, опьяненная фашистской водкой, остервенело лезет на восток, в русские степи, устилая сотнями тысяч своих тел советскую землю» [Асмус 1942а, 47–48]. И хотя Асмус говорит в данном случае о невежестве немецкой молодежи, его заключительные слова можно рассматривать в том числе и как призыв не допустить подобной ситуации в СССР, изучая подлинные работы Канта и других классиков немецкой философии, даже невзирая на чудовищную войну.

Примечательно, что после Канта Асмус рассмотрел фашистские интерпретации только Фихте и Гегеля, а Шеллинг у него совершенно отсутствует. По сравнению со статьей 1936 г. Асмус целиком дописал раздел о Гегеле, который у него ранее отсутствовал. Отличие же рассуждения Фихте и Гегеля в сравнении с Кантом состояло у Асмуса, главным образом, в том, что первых защищать было труднее в силу гораздо большего веса отягощающих их «реакционных» черт. Асмус подчеркивал, что нацисты нуждаются в Фихте, являющемся антисемитом, националистом, проповедником замкнутого торгового государства и автором «Речей к немецкой нации» [Там же, 27]. Однако все это отечественный историк философии объявил «мифом» фашистской истории философии, не имеющим отношения к действительному историческому образу Фихте [Там же, 27; Асмус 1942б, 60]. У Гегеля же Асмус признал не меньше консервативных и реакционных идей, чем у Фихте [Асмус 1942а, 34]. Самая очевидная из них – это оправдание войны. Асмус привел цитаты из гегелевского сочинения «О научных способах исследования естественного права» и из «Философии права» с оправданием войны [Там же, 39], хотя и пропустил по неизвестной мне причине соответствующие пассажи из «Феноменологии духа» [Hegel 1989, 334–335; Гегель 1959, 241–242], но и эта позиция Гегеля нашла у него полное оправдание и была объявлена совершенно противоречащей национал-социалистским взглядам. Разумеется, возникает вопрос: каким образом Асмус пытался все это обосновать, ибо то, что он вынужден был привести из Фихте и Гегеля, находит свое текстуальное подтверждение в их сочинениях?

Способ защиты, выбранный Асмусом, состоял в максимальной историзации и контекстуализации высказываний Фихте и Гегеля: «Суждения подлинно исторического Фихте надо брать в историческом же их происхождении и значении. Только такое историческое изучение может привести к пониманию подлинного смысла учений Фихте о нации и о государстве» [Асмус 1942а, 23]. Огрубляя, смысл подобной защиты состоял в том, что даже если Фихте и высказывался в антисемитском, националистическом и пр. духе, то делал он это в совершенно иных исторических условиях конца XVIII – начала XIX в. и в совершенно ином смысле, а поэтому все это попросту нерелевантно для целей национал-социалистов и даже противоречит им. К сожалению, на этом Асмус остановился, но если следовать его логике, то от Фихте нет никакого проку и марксизму-ленинизму – о нем Фихте точно не писал и никогда не имел его в виду. Более того, в таком случае вообще с трудом становится понятно, зачем стоит читать произведения философских классиков – они все написаны в иных исторических условиях, не о нас и не о наших проблемах и чаяниях. Подобным же образом защищался и Гегель: даже если у него и встречаются высказывания с оправданием войны, то это не всякая война, а только война прогрессивная, наполеоновская, способствующая освобождению немецких земель от феодальных пережитков, а не война национал-социалистов. Поскольку же Асмус и по сей день считается классиком отечественной историко-философской науки, интересно обратить внимание еще и на такую методологическую деталь: цитаты из сочинения «О научных способах исследования естественного права», в отношении которого подчеркивается, что оно «раннее», и из «Философии права» противопоставляются некоторым пассажам из лекций по философии истории, а также полемике Гегеля с К.Л. фон Галлером все в той же «Философии права» [Там же, 41–43]. Если учесть, сколь малая часть всего наследия Гегеля подготовлена к печати

и опубликована им самим, то пассажи про войну сохраняются более или менее неизменными в статьях 1802–1803 гг. («О научных способах...»), «Феноменологии духа» (1807 г.) и в «Философии права» (1821 г.), то есть практически на протяжении всей его публикаторской деятельности. Но это не смущает Асмуса, и он с легкостью противопоставляет их не печатным работам Гегеля, а записям лекций, приписывая немецкому философу даже в 1821 г. все еще «наполеоновский» смысл пассажей о войне.

Справедливости ради стоит теперь вернуться и к разделу брошюры о Канте, спросив, в какой степени борющийся с фальсификациями немецкой философии Асмус сам корректно истолковывал философию кёнигсбергского мыслителя и насколько его защита Канта выглядела убедительной. На мой взгляд, задача, которую он поставил перед собой, была вряд ли удовлетворительно решаемая: Асмус защищал от фашистских фальсификаций не просто Канта, но еще и Фихте, и Гегеля, причем делая это одновременно. Конечно, в тогдашней доктрине Маркса, Энгельса и Ленина все эти три философа были звеньями цепи одного философского развития, а именно развития диалектики, и это положение примыкавший к деборинской школе Асмус активно разделял. Однако Кант, Фихте и Гегель были настолько разными философами и личностями, между ними существовало такое огромное число разительных отличий и даже противоречий, что защищать их всех разом, на одном дыхании, без существенных теоретических и фактических издержек невозможно. Правда, «за судьбу и за репутацию мыслителей, подобных Фихте», Асмус все же не опасался: «...ни одно пятнышко фашистской лжи не пристанет к их монументам, нерушимо стоящим в народной памяти, а также в памяти культурных и свободолюбивых народов всего мира...» [Асмус 1942b, 60].

Защищать же самого Канта в тех политических условиях не имело никакого смысла – Кант как таковой никого не интересовал, а интересен он был только как один из представителей пресловутой «немецкой классической философии». Этим и объясняется, по-моему, странная параллель: и читающий во время Первой мировой войны доклад «От Канта к Круппу» Эрн, и защищающий Канта от фашистских фальсификаций во время Великой Отечественной войны Асмус – оба обходили молчанием кантовский трактат «К вечному миру». Но если в отношении Эрна вполне вероятно предположить, что он и не знал о таком кантовском произведении, то в отношении Асмуса это совершенно исключено. Однако если бы Асмус сделал акцент на этом трактате в защите Канта, то трудно себе представить, как бы он после этого оправдывал апологетику войны у Гегеля, ведь это оправдание уже выглядело у него откровенной натяжкой.

Практически все приведенные фашистские фальсификации Канта Асмус относит на счет Шварца, не указывая при этом цитируемых страниц. Если читать упомянутое сочинение Шварца сегодня, то, во-первых, может броситься в глаза, что Кант не играет в нем какой-то важной роли, а во-вторых, при всей странности изложения там трудно обнаружить какие-то чудовищные искажения Канта [Schwarz 1933, 21–23, 28–30, 33–35, 66–69]. Шварц не цитирует Гитлера, хотя несколько раз упоминает Розенберга, в том числе с определенной критикой. Отталкивающие же страницы посвящены преимущественно акцентированию «немецкости», а также противопоставлению ее еврейским, французским и прочим иностранным влияниям. Но если следовать линии защиты самого Асмуса по отношению к Фихте и Гегелю, то и Шварц в период с 1919 по 1933 г., в который написан его сборник статей, говорил об этом в ином контексте, который не касался событий Второй мировой войны. Это ничуть не делает данного мыслителя более приятным: в последующих работах, в особенности в «Философском основоположении национал-социализма» (1936 г.) он усилил свои представления о «крови», а от «народного» перешел к «völkisch», понимая в качестве индивидуума именно целый народ.

Если же по масштабам, с которыми Асмус оценивает фашистские фальсификации Канта, подойти к его собственному образу кёнигсбергского мыслителя, то и в отношении асмусовского истолкования кантовской философии, увы, можно говорить как минимум о надуманной насильственной интерпретации. Согласно брошюре 1942 г.,

в которой Асмус цитирует статьи «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?» и «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», «подлинный» Кант был мыслителем со свойственными ему «отсталостями», имевшими причиной главным образом немецкую политическую и экономическую отсталость того времени; Кант был учеником в том числе Дидро и Гельвеция, в своем понимании Просвещения развивал идеи французского Просвещения (мысль, которую Асмус высказал с опорой на «Жизнь и учение Канта» Э. Кассирера⁵), являлся немецким теоретиком французской буржуазной революции, испытывал определенные симпатии к материализму и, наконец, являлся некоей предтечей марксизма. Отвечая честно, сегодня следует признать, что попытки рассматривать Канта в качестве предтечи марксизма с такими же основаниями можно назвать «фальсификациями», как и попытки рассматривать Канта в качестве опоры национал-социализма. Отбрасывают «реакционные» и развивают «прогрессивные» стороны того или иного крупного философа все его творческие сторонники, не являющиеся эпигонами. Критерием же «фальсификаций» оппонентов не может служить их несовпадение с собственными оценками «прогрессивного» и «реакционного». И чтобы не судить о взгляде на Канта только по обрывочным тезисам в небольшой брошюре, можно обратиться к более развернутой работе Асмуса о Канте приблизительно того же времени. «Введение» его сочинения о Канте 1929 г. [Асмус 1929, 7–23] пестрит ссылками на Энгельса, содержит пространное удивление отсутствием у Плеханова рассуждений о диалектике у Канта и объяснение этого обстоятельства его борьбой с неокантианством и просто переполнено славословиями в адрес Деборина. В книге, озаглавленной «Диалектика Канта», на 162 страницах Асмус впервые обратился к собственному кантовскому понятию диалектики лишь на странице 110 [!], да и то лишь для того, чтобы тут же оставить его в стороне и снова перейти к рассуждениям о «диалектике» у Канта в деборинском стиле⁶.

Однако полемизировать в 1942 г. с нацистскими идеологами Асмусу оказалось проще, чем с советскими коллегами. Год спустя ИФ АН СССР выпустил третий том «Истории философии»; большая его часть была посвящена как раз «классической немецкой философии», в которую в отличие от брошюры Асмуса была включена и философия Шеллинга. В отличие от двух предыдущих третий том содержал краткое предуведомление «От редакции»: «Настоящий том выходит в суровые дни Великой Отечественной войны против фашистских захватчиков. Затопившие мир в море крови и слез фашистские варвары оскверняют все лучшие идеалы и достижения европейской культуры. Грязным сапогом растоптали они бывшие культурные традиции Германии» [От редакции 1943, 2]. Вторая глава в этом учебнике – глава о Канте – была написана Асмусом [Батыгин, Девятко 1993, 633]. С момента подписания брошюры о фашистских фальсификациях в печать (август 1942 г.) прошло менее года: третий том был подписан в печать в июне 1943 г.⁷ Однако разница в этих двух изданиях огромна: удивительным образом в главе о Канте отсутствуют какие-либо указания на фашистские фальсификации, хотя об этом идет речь и в отношении Гердера и Фихте [История философии 1943, 38, 165], о которых писали иные авторы, и даже в подразделе о Шиллере, написанном, вероятно, все тем же Асмусом [Там же, 136–137].

Если же говорить о замысле данной главы о Канте в целом, то он оказывается весьма непривычным как в сравнении с послевоенными монографиями самого Асмуса, так и в сравнении с более поздними советскими учебниками. По объему глава о Канте заметно уступает главе о Гегеле, и это объединяет третий том «Истории философии» с послевоенными советскими учебниками. Но первое же, что бросается в главу о Канте в глаза, – это несопоставимо подробный раздел о докритическом Канте [Асмус 1943, 61–80], занимающий большее место, нежели изложение «Критики чистого разума» [Там же, 80–97]. Объясняется это тем, что как раз у докритического Канта Асмус обнаружил господство материалистических тенденций [Там же, 62], а поэтому докритический и критический Кант якобы по-разному решают основной вопрос философии [Там же, 63]. В самом докритическом периоде основное внимание уделяется космогонии со ссылками на оценки Энгельса относительно заслуг Канта в развитии

диалектики [Асмус 1943, 69]. Разбор «Критики чистого разума» изобилует ссылками на Ленина и утверждениями о дуализме Канта. В отличие от «Диалектики Канта» в учебнике собственное определение Кантом диалектики присутствует на своем месте [Там же, 84], а сам этот былой кричащий поиск «диалектики» у Канта в духе деборинской школы практически не заметен. Примечательно, что самым бедным по объему и содержанию в главе оказался раздел про этику [Там же, 97–105] – даже раздел об эстетике [Там же, 105–115] оказался обширнее. В этике Асмус обошелся обсуждением одной лишь «Критики практического разума», вообще не привлекая ни «Основоположение к метафизике нравов»⁸, ни «Метафизику нравов». Он привел лишь первую формулировку категорического императива [Там же, 100], а со ссылкой на Маркса охарактеризовал Канта как немецкого теоретика французской революции. В отличие от брошюры 1942 г. в главе о Канте трактат «К вечному миру» не только несколько раз называется и в оригинале, и в русском переводе, но и дается его краткий разбор [Там же, 115, 122–123] – вероятно, потому, что глава о Гегеле в учебнике писалась уже другими авторами.

Главным противоречием у Канта Асмус назвал противоречие между трактовкой человека как деятельного существа и пониманием деятельности сознания и познания, оторванным от предметно-материального содержания действительности [Там же, 57]. Он критиковал кёнигсбергского философа за идеализм и формализм [Там же, 123], мелочность и «явное филистерство» [Там же, 117], а относительно кантовского отказа в праве на сопротивление даже заявил, что немецкий мыслитель обосновывает его «софизмами, филистерство которых способно привести в изумление» [Там же, 123]. Единственными авторитетами, на которые ссылался Асмус, явились Маркс, Энгельс и Ленин. Сталина он в отличие от брошюры 1942 г. в учебнике не цитировал. Но даже и с перечислением всех возможных недостатков, заблуждений и противоречий у «слишком честного и пронизательного мыслителя» Канта [Там же, 103] несомненно то, что критика кёнигсбергского философа сведена Асмусом в учебнике до минимума, насколько это вообще было возможно. Более того, критические замечания в адрес Канта в иных главах – в частности, о Гегеле – иногда являются даже более резкими, чем в собственно главе о Канте: «Лучшие умы Германии первой половины XIX в. не смогли устоять против национальной немецкой стихии – филистерства. Двойственность и половинчатость Канта, филистерские черты Гёте, кичливый национализм Фихте, мракобесие позднего Шеллинга, преклонение Гегеля перед реакционным прусским государством – все это явления одного порядка: дань политической отсталости Германии в ее бюргерской косности» [Быховский 1943, 301].

Первые публичные реакции на выход третьего тома «Истории философии» были очень позитивными. Вернувшийся по ранению с фронта З.А. Каменский (1915–1999) написал рецензию, в которой утверждалось: «Глава о Канте – одна из лучших в томе – впервые в нашей литературе в таких лапидарных чертах и в то же время с такой разносторонностью и аргументированностью представляет нам идеи кёнигсбергского мыслителя. Здесь проанализированы все наиболее существенные стороны его учения, и сделано это по первоисточникам так, что многие читатели, не знающие немецкого языка, впервые получают возможность ознакомиться с содержанием этих произведений» [Каменский 1943, 88]. Рецензент особо отметил раздел о докритическом Канте, важность которого он подчеркнул с опорой на Энгельса. Говоря же о книге в целом, Каменский подчеркнул: «Несомненным и существенным достоинством тома является его политическая целеустремленность. Авторы борются с фашистской фальсификацией истории философии» [Там же, 91]. Тем самым, учебник оказывается оружием «против идеологии фашистского варварства и мракобесия» [Там же, 86]. Однако все конкретные примеры фашистских фальсификаций были приведены из Фихте и Гете, а не из Канта. Вместе с тем Каменский отметил, что «авторы не ограничиваются пассивным противопоставлением прошлого и настоящего Германии. Они показывают, что это настоящее имело и свои предпосылки в прошлом» [Там же, 93]. Тем не менее каких-то конкретных предпосылок такого рода в философии Канта, Фихте, Шеллинга

или Гегеля рецензент все же не назвал, написав в завершение: «Советская общественность с удовлетворением узнала о высокой награде, которой отметило правительство работу коллектива редакторов и авторов этого издания, – присуждении им Сталинской премии первой степени. Для работников философского фронта эта высокая награда имеет большое значение» [Каменский 1943, 94].

Но радовалась советская общественность недолго, ибо весной 1944 г. журнал «Большевик» опубликовал постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.», явившееся итогом долгого разбирательства. Спровоцировано оно было письмом заведующего кафедрой диалектического и исторического материализма философского факультета Московского университета З.Я. Белецкого (1901–1969) Сталину. В письме были сформулированы многочисленные критические выпады в адрес третьего тома «Истории философии», однако главные из них все же касались не Канта, а вопроса о соотношении марксистской философии и немецкой классической философии, об оценках философии Гегеля и об отношении немецких философов к французской революции. Белецкий, в частности, заметил: «Из третьего тома мы узнаем, что философия немецкого классического идеализма не имела никакого отношения к немецкой действительности. Эта философия, по мнению редакции, была общечеловеческой философией – философия, которая утверждала в обществе идеи революции, свободы и прогресса» [Белецкий 2003, 56]⁹.

По поводу кантовского отношения к французской революции классики марксизма, согласно Белецкому, «писали, что философия Канта целиком отражала прусскую юнкерскую действительность. Вот их слова: “Состояние Германии в конце прошлого века целиком отражается в кантовской ‘Критике практического разума’” (т. 4. с. 174)¹⁰. Эта оценка кантовской философии, даваемая Марксом и Энгельсом, находится, как можно видеть, в прямой противоположности с оценкой, данной этой философии Редакцией третьего тома» [Там же, 58]. Полемизируя с тезисом Асмуса о форме и содержании кантовской философии, Белецкий специально подчеркнул: «Идеализм немецких классиков был, следовательно, не формой для выражения революционных идей, а и по форме и по содержанию он являлся идеологией консервативно настроенной немецкой буржуазии» [Там же, 65]. Кроме того, Белецкий специально упомянул в письме заблуждения «бывшего меньшинствующего идеалиста» Асмуса в брошюре о фашистских фальсификациях немецкой философии: «...в своем благородном рвении Асмус заходит настолько далеко, что сам беззастенчиво фальсифицирует эту философию. Все, что было реакционного, что явилось в ней выражением прусской идеологии, Асмус изображает как истинно великое, гениальное и революционное. Призывая к борьбе с фашистскими фальсификаторами, он незаметно приписывает философии немецкого классического идеализма взгляды нашей философии, тем самым возвеличивает немецкий идеализм и умаляет значение нашей философии» [Там же, 71].

От лица авторов в заочную эпистолярную полемику с Белецким вступил Александров, написавший письмо секретарям ЦК ВКП(б). Про Канта в нем лишь говорилось: «Маркс и Энгельс признавали влияние французской революции на Канта, Фихте и Гегеля. Маркс писал: “Философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции”» [Александров 2003а, 83]. Основное содержание возражений все же касалось гегелевской философии. Подводя итоги, Александров заявил: «Здесь нет нужды опровергать застарелое и невежественное мнение тов. Белецкого о том, что Кант и Гегель не испытали влияния революционных идей. Этот вопрос давно решен в марксистской литературе» [Там же, 91].

Насколько был компетентен арбитр, к которому Белецкий прямо, а Александров косвенно обращались в своих посланиях? И как именно он понимал «решенный» в марксистской литературе вопрос о влиянии революционных идей на Канта и Гегеля? В печатных сочинениях Сталина, за исключением статьи в «Правде» 1938 г. «О диалектическом и историческом материализме» [Сталин 1945, 13], Кант практически

не упоминается. Правда, имеется свидетельство В.А. Разумного (1924–2011) о беседе со Сталиным около 1952 г. на квартире секретаря партийной организации ИФ АН СССР Д.И. Чеснокова (1910–1973) [Разумный 2008, 219]¹¹, из которого следует прямо-таки неординарное знание Сталиным еще с семинарских лет философии Канта, однако заслуживает ли это свидетельство доверия или является апокрифом, сказать сложно. В изустной же традиции со слов Александра дошло и прямое высказывание Сталина по мотивам решения ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.» о том, как следует в его свете излагать гегелевскую философию: «Философия Гегеля – это аристократическая реакция на Великую Французскую революцию и французский материализм» [Ойзерман 2005, 102]. Несмотря на то что эта оценка Сталиным нигде не была опубликована, она была широко известна в философских кругах и воспринималась как руководящее указание в отношении того, кто еще в годы обучения в тюбингенском Штифте под влиянием французской революции и работы гильотины любил по всякому поводу заявлять: «Голову долой!» [Hegel in Berichten 1970, 17].

В постановлении ЦК ВКП(б) львиная доля критики уделялась пониманию философии Гегеля. Если во время Первой мировой войны в центре дискуссий стоял Кант, то во время Великой Отечественной войны центр явно сместился в сторону Гегеля. Более того, эмигрировавший в США немецкий историк Х. Холборн (1902–1969) в 1943 г. даже задал вопрос, не является ли самая большая война в истории, идущая в России, в действительности конфликтом между левым и правым крылом школы Гегеля [Holborn 1950, 62]. То, что главной проблемой в учебнике явилось освещение гегелевской философии, особенно отчетливо видно из доклада В.И. Светлова (1899–1955), ставшего после этой истории директором Института философии, на собрании партийного актива Академии наук СССР: о Канте не было сказано вообще ни единого слова, недостатки же и ошибки учебника объяснялись желанием авторов «спасти» Гегеля от фашистов [Светлов 1944, 24, 26] и «неправильной линией на подсахаривание, подслащивание Гегеля» [Там же, 27].

Тем не менее в самом постановлении несколько раз все же был упомянут и Кант: «В III томе философия Канта, Фихте, Гегеля изображается преимущественно как прогрессивная, ввиду чего их консервативная философская система затушевывается. Классики марксизма-ленинизма резко критиковали консервативные политические воззрения немецких философов и подчеркивали преобладание в их мировоззрении консервативной стороны. [...] не подвергнуты критике такие реакционные социально-политические идеи немецкой философии, как восхваление прусского монархического государства, возвеличение немцев как “избранного” народа, пренебрежительное отношение к славянским народам, апологетика войны, оправдание колониальной, захватнической политики и т. д. Тем самым в томе замазывается тот факт, что идеологи немецкой империалистической буржуазии используют реакционные стороны философии Канта, Фихте и Гегеля» [О недостатках и ошибках 1944, 17]. Однако все конкретные претензии, перечисленные в постановлении, явным образом не относятся к Канту, а идут на счет Фихте и Гегеля.

В брошюре 1942 г. Асмус не обошел стороной многие из упомянутых в постановлении вопросов гегелевской философии, однако апологетически объяснял их отсталостью Германии того времени или отрицал их общий характер, пытаясь привязать их значимость исключительно к каким-то конкретным историческим реалиям и подчеркнуть их нерелевантность вне этого узкого контекста. Между тем еще при подготовке третьего тома директор ИФ АН СССР П.Ф. Юдин (1899–1968) писал авторам в 1942 г.: «Надо не только повернуть классиков философии против фашистов, но и поискать у них объяснения тому факту, что не какая-либо другая страна, а Германия явилась родиной столь омерзительной идеологии и разбойничьей политической системы, какой является гитлеризм. Германский фашизм – явление не случайное. В истории германской общественной мысли, в истории немецкой культуры были элементы, которые исторически подготовили немцев к восприятию звериной,

человеконенавистнической фашистской идеологии» [Корсаков 2016, 165]. Усилия Асмуса были направлены на обращение классики против фашизма, в то время как вопрос о причинах возникновения нацизма именно в Германии скорее оставался у него без ответа.

Общий итог постановления 1944 г., текст которого подготовил, как ни странно, все тот же Александров [Александров 2003б, 106–107], гласил: «...в главах III тома “Истории философии”, посвященных философии Канта, Фихте и Гегеля, дается ошибочное изложение истории немецкой философии, преувеличивающее ее значение, смазывающее противоречие между системой и методом философии Гегеля, вносящее путаницу в головы читателей. В томе не подвергнуты критике реакционные социально-политические взгляды немецких философов конца XVIII и начала XIX века» [О недостатках и ошибках 1944, 19]. К счастью для авторов, дело в их отношении не закончилось репрессиями, хотя заднем числом Комитет по Сталинским премиям и лишил третий том присужденной премии¹². Результатом временной победы Белецкого в споре стало то, что он в последние годы войны добился временного исключения из списка рекомендованной литературы для студентов философского факультета Московского университета статьи Ленина «Три источника и три составные части марксизма» [Ойзерман 2005, 102] – а именно эта статья и легитимировала как изучение кантовской философии, так и издание кантовских работ в Советском Союзе.

Однако в 1944 г. спор не закончился, а продолжался еще несколько лет и после окончания Великой Отечественной войны. Философская дискуссия 1947 г. – предмет иного исследования, тем более что философия Канта не играла в ней почти никакой роли, если не брать во внимание реплику все того же Белецкого, опубликованную в первом номере журнала «Вопросы философии» за 1947 г. В своей критике кантовской философии он пошел еще дальше, нежели в письмах Сталину. Его позиция наглядно показывает, как мог бы выглядеть альтернативный исход дискуссий о Канте во время Великой Отечественной войны, если бы в конце концов возобладали его точка зрения: «Работа Канта “Критика чистого разума”, как известно, была написана перед Великой французской революцией. Однако эта работа от начала и до конца направлена как против французского материализма, так и против идей французской революции...» [Белецкий 1947, 320]. Более того, «кантовская идеалистическая философия явилась теоретическим опровержением идеи революции. Она запрещала возможность революционного преобразования общества. В этом было глубокое значение философии Канта. В этом была ее идейность. Априоризм, трансцендентальный метод – все это служило Канту лишь средством, способом для его “теоретических” построений, оправдывавших нерушимость прусского государства» [Там же, 320]. Если же, согласно Белецкому, в работах французских философов и у Канта и обнаруживаются некоторые внешние параллели, они носят совсем иной характер: «Французы выдвинули революционные лозунги, а Кант превратил их в реакционные» [Там же, 322]. Справедливости ради стоит отметить, что Белецкий прав в оценке позиции Канта относительно французского материализма, а отношение немецкого философа к французской революции было очень противоречивым [Krouglov 2011], в том числе и таким, о котором говорил Белецкий. Однако подобное однозначное признание антиреволюционности и реакционности Канта звучало в Советском Союзе почти как приговор.

Итог после краткого рассмотрения двух первых «Критик» Канта, к которому приходит Белецкий, таков: «Работы Канта “Критика чистого разума” и “Критика практического разума” – это работы не абстрактные, не оторванные от конкретной действительности. Это боевые, политические работы, в которых Кант теоретически обосновал необходимость существования пруссаческого государства, необходимость сохранения существующего порядка вещей. В этом была партийность философии Канта. Философия Канта защищала немецкую реакцию против французской революции, она защищала идеализм против материализма, религию против науки» [Белецкий 1947, 321]. В том, что Белецкий в это время успеха со своими тезисами уже не имел, а реальный

итог споров о Канте во время войны выглядел иначе и изучение кантовской философии не прерывалось даже в самые страшные годы Великой Отечественной войны, большая заслуга Асмуса и его сторонников.

IV. Споры о Канте в Великой Отечественной войне: современная перспектива

За время, прошедшее с Победы в Великой Отечественной войне, существенно изменилось и наше знание о национал-социализме, и наше знание о немецкой философии периода Третьего рейха. В самой дискуссии об ответственности немецкой философии, которая за пределами Советского Союза временами вспыхивала и после войны, были поставлены новые акценты. Как сквозь призму этого знания советские споры о кантовской философии времен войны выглядят сегодня?

Первая трудность состоит в самом понятии фашистских «фальсификаций» философии Канта. Если под фальсификациями иметь в виду некий подлог, фабрикации, сознательную ложь, то ничем подобным немецкие философы, придерживавшиеся нацистских взглядов или симпатизировавшие им, отмечены не были: они не подменяли цитаты, не выдавали одно произведение за другое, не приписывали явно своим предшественникам того, что теми не писалось или не говорилось, – мелкие фактические неточности, которые можно обнаружить практически у каждого мыслителя, я в расчет не принимаю. В какой мере эти толкования кантовской философии были корректными, оправданными, основательными? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обладать критерием оценки толкований и интерпретаций.

Но даже если – основываясь на собственных претензиях глубокого и всестороннего знакомства с кантовской философией, ее истоками и контекстом – справедливо было бы утверждать, что толкования кантовской философии в национал-социалистском духе являлись надуманными, насильственными, политически мотивированными интерпретациями, проходящими мимо ее сути или даже противоречащими ей, или, говоря словами Баммеля, «фашизациями», то и в этом случае придется признать, что вся история философии наполнена подобными насильственными интерпретациями. Сам Асмус обращал внимание на это явление, но все же, несмотря на подобную черту истории философии, утверждал: формы искажающего перетолкования в германском фашизме «не имеют прецедента в истории подобных фальсификаций» [Асмус 1936, 195; Асмус 1942, 7]. Если принимать во внимание собственные работы Асмуса по диалектике Канта, равно как и в целом толкование кантовской философии в качестве источника и составной части марксизма – «действительного, исторического Канта» [Асмус 1936, 206–207] в них приходится искать под микроскопом, – то у марксистов вряд ли могут иметься серьезные основания предъявлять такого рода упреки другим. И если к этой полемике подходить честно и непредвзято, приходится признать, что ряд обвинений Асмуса в адрес национал-социалистских философов выглядит нелепо даже в условиях Советского Союза 1936 г., практикующего насилие по отношению к Русской православной церкви и к самим священнослужителям. Так, утверждение оппонентов о том, что философско-историческая мысль немецких классиков находится в родстве с их религиозными воззрениями, Асмус записал в иллюстрации «беспримерной по антиисторичности, тупости, наглости и бесцеремонности обработки немецкой истории философии и философии истории» [Там же, 196].

Спор Асмуса с фашистскими фальсификациями являлся внутренним делом советской философии, несмотря на то что внешне он и выглядел как заочная полемика с тогдашними немецкими философами. Последних, как и в Первую мировую войну, мнение русских не интересовало. Что же касается Асмуса и его коллег, то и их заботило в первую очередь не столько состояние философии в Третьем рейхе, сколько очень сложный и труднорешаемый удовлетворительным образом вопрос столкновения признанной доктрины о роли немецкой классической философии, а особенно гегелевской

диалектики, в становлении марксизма с исторической реальностью в виде чудовищной войны, в которой враги пытались опираться на те же философские авторитеты. В этом смысле полемика была направлена не столько на то, чтобы выбить эту опору у врага, сколько на то, чтобы не потерять собственную опору.

Публичное выступление Асмуса против фашистских фальсификаций, а не дневниковые записи или раздумья наедине с самим собой, вряд ли могло быть во время войны каким-то иным. В отличие от Первой мировой войны в центре спора оказывался не Кант, а Гегель, и защита в рамках тогдашней марксистско-ленинской философии имела смысл только в отношении всей немецкой классической философии, а выступление в защиту Канта без одновременного оправдания Гегеля вообще теряло какой-либо смысл. Философски убедительно осуществить подобную защиту в силу внутренних противоречий и разногласий Канта и Гегеля и в силу того, что защита должна была вписываться в действовавшие на тот момент жесткие каноны, было вряд ли возможно, а вот политически убедительно такая защита все же звучала, и в рамках Советского Союза она возымела свое действие и имела смысл. Конечно, одного Канта без пудовых гирь в виде Фихте и Гегеля, вне необходимости воспевать кантовскую роль в развитии диалектики и становлении марксистской философии, можно было бы отстаивать куда более убедительно и основательно, чем это делал Асмус. В таком случае можно было бы без всяких стеснений открыто говорить и о кантовском трактате «К вечному миру», хотя пацифизм Канта и не выглядит столь наивным и радужным, а его отношение к войне – столь однозначным, как это иногда кажется сегодня [Krouglov 2018].

По сравнению с Первой мировой войной дискуссия проходила явно не свободно, с административным вмешательством, а ее участникам могли грозить преследования и репрессии. Сегодня личность Асмуса оценивается неоднозначно: если в большинстве работ о нем – часто на основе личных воспоминаний – подчеркивается его высокий нравственный облик [Валентин Фердинандович Асмус 2010], то в ряде новейших публикаций на основе приводимых документов предпринята попытка скорректировать данный образ в сторону конформизма и определенной беспринципности [Корсаков 2018; Петров 2018]. Но и брошюра против фашистских фальсификаций в 1942 г., и глава о Канте в учебнике 1943 г. – так, как они были Асмусом написаны, – были мужественными поступками.

Подбор нацистских авторов, с которыми полемизировал Асмус, был для него довольно легким, но не в силу того что он специально выбрал самых слабых оппонентов, а по причине того, что многие явления и события внутри немецкой философии 1930–1940-х гг. тогда попросту были неизвестны в Советском Союзе. Вместе с тем, пример Баммеля в 1936 г. показывает, что и в Советском Союзе можно было в то время ознакомиться с гораздо более широким кругом симпатизирующих национал-социализму немецких философов, чего Асмус делать не стал. Более того, как раз страницы о Канте только воспроизводят без дополнений статью самого же Асмуса шестилетней давности и поэтому смотрятся несколько анахронично. Шварц, которого Асмус называл образцовым фальсификатором философии Канта, хоть и был автором предисловия о жизни Канта в новом переиздании классических кантовских биографий Боровски, Яхмана и Васиански [Immanuel Kant 1907], однако никакого значимого следа в кантоведении не оставил. А о кантовских интерпретациях Боймлера – одного из наиболее важных идеологических сподвижников казенного по приговору Нюрнбергского трибунала Розенберга – Асмус ничего не сказал, хотя исследование Боймлера о «Критике способности суждения» [Baumeier 1923] не потеряло своей ценности и по сей день. Причина, по-видимому, состоит здесь в том, что имя Боймлера Асмус перенес в брошюру 1942 г. из статьи 1936 г., однако сам раздел, посвященный фашистским фальсификациям даже Ницше, который «действительно несомненный предшественник философии современного национал-социализма» [Асмус 1936, 219], фальсификациям, главную роль в которых, по Асмусу, как раз и играл Боймлер [Там же, 222–223], он включать в свою новую работу не стал¹⁵.

Определенная часть неокантианцев, таких как Б. Баух, или кантоведов, таких как Г. Леман, издатель многих работ Канта в академическом собрании сочинений, исповедовала национал-социалистские взгляды. Были ли эти мыслители еще и кантианцами – это открытый вопрос. После того как в 1937 г. знаменитый журнал «Kant-Studien» прекратил свои выпуски, в 1942 г. по поручению так называемого «ведомства Розенберга» А. Фауст, Ф. Вайнхандль, Х. Хайзе и Г. Лутц предприняли попытку возобновления этого журнала уже с правильных идеологических позиций [Leaman, Simon 1994, 443–469]. Еще дальше пошел сын В. Вундта – М. Вундт, автор знаменитого труда «Кант как метафизик» [Wundt 1924], лежащего в основании так называемой метафизической интерпретации Канта. В вышедшей незадолго до разгрома нацистской Германии книге «Корни немецкой философии в племени и расе» он составил расовые таблицы с портретами подлинно «немецких» философов, в одной из которых под портретом Кёнигсбергского мыслителя значится буквально следующее: «Иммануил Кант. Глаза голубые, волосы белокурые, кожа розовая. Нордический тип, с легким динарским колоритом» [Wundt 1944, 16. Tafel]. Разумеется, таких взглядов придерживалась только часть немецких кантоведов того времени. На другом их полюсе находились такие исследователи, как К. Райх, который в 1935 г. не побоялся написать о влиянии М. Мендельсона на становление кантовской этики [Reich 1935, 15–16].

Пресс-секретарь НСДАП О. Дитрих в том же 1935 г. в сочинении «Философские основания национал-социализма» писал: «Моральный закон Канта: “Поступай так, чтобы максима твоей воли могла всегда в то же время иметь значение в качестве принципа всеобщего законодательства”, есть прямо-таки классическая формулировка национал-социалистической этики» [Dietrich 1935, 23]. Повешенный же по приговору Нюрнбергского трибунала рейхсминистр Г. Франк в 1942 г. в сочинении «Техника государства» уже изменил эту формулировку: «Категорический императив действия в Третьем рейхе гласит: поступи так, чтобы фюрер, если бы у него было знание о твоих действиях, одобрил бы эти действия» [Frank 1942, 15–16].

Как и в Первую мировую войну, вновь отличилась alma mater Канта, но уже не дипломами почетных докторов Гинденбургу и Людendorфу. Ординарный профессор философии Кёнигсбергского университета Э. Баумгартен во время празднования 400-летия Альбертины в июле 1944 г. прочитал, будучи одетым в униформу, праздничный доклад в новой аule на фоне бюста Канта на тему «Кант – Клаузевиц»¹⁴. «Preußische Zeitung» писала в этой связи, что оба великих «пруссак в философии» были представлены Баумгартеном в «гениально концептированном и наполненном поражающей актуальностью докладе»: «Если Кантова форма философствования целиком концентрируется на бытии Я и возводит к его ядру человеческую свободу, то Клаузевиц философствует не о человеке как бесконечном Я, а о муже в союзе. Сегодня мы можем не просто выбирать между двумя точками зрения, а должны в качестве духовных внуков обоих работать на объединение строгого объективирования Канта с солдатской этикой Клаузевица» [450 Jahre Albertus-Universität 1994, 84]. Заслуга Клаузевица состояла, по Баумгартену, в «превращении кантовского “чистого долга” в естественное послушание земным целям и “богам”, а именно национальной чести и Отечеству» [Ibid., 84]¹⁵. И даже после окончания войны генерал вермахта и бывший адъютант Гитлера Ф. Хоссбах пытался показать благотворное влияние кантовской философии на мышление «пруско-немецких» офицеров [Hossbach 1954, 139–145]. Примеры подобного рода можно продолжать и дальше, и в последнее время на эту тему немецкими исследователями написано немало работ¹⁶. Аналогичные примеры легко подбираются и в среде сторонников гегелевской философии времен Третьего рейха (Г. Глокнер и др.). Обо всем этом в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны в таком объеме попросту не знали. Если бы весь этот массив информации был бы доступен уже тогда, защищать немецкую классическую философию от фашистских фальсификаций Асмусу было бы в разы тяжелее.

Иной оборот приняли обвинения в адрес кантовской философии у союзников в США. В 1942 г. Дж. Дьюи в новом издании своей «Немецкой философии и политики»

попытался прочертить линию от Канта уже не до Круппа, как это пытался делать в свое время Эрн, а прямо до Гитлера. По сравнению с первым изданием 1915 г. он дописал введение «Единый мир национал-социализма Гитлера», противопоставляя его былому учению Канта о человеке как гражданине двух миров (глава 1 в обоих изданиях): в одном господствует природа, в другом – свобода. И хотя Дьюи подчеркивал, что не верит, будто Гитлер является большим учеником Канта или Гегеля, нежели Ницше или Шпенглера [Dewey 1942, 16], однако все же именно Кант создал те основы, которые затем и преобразовал Гитлер: он объединил внутреннее и внешнее, идеалы и нечто актуальное, веру и грубую реальность, идеализм и власть [Ibid., 25], и в этом соединении ранее двух разделенных немецких миров – духовной и социальной жизни – и кроется понимание Гитлером самого себя как «мессии» [Ibid., 40]. В объединении двух миров в единый и состояла «миссия» Гитлера [Ibid., 25], и опорой ему в этом была вера немцев в абстрактные абсолютные «идеалы» [Ibid., 30], упречившаяся благодаря Канту. Здесь не место оценивать «аргументы» Дьюи, тем более что об этом уже давно написана убедительная критика [Geismann 2001, 631–638], но важно подчеркнуть, что и эта сюжетная линия в советских спорах во время Великой Отечественной войны также не учитывалась.

Для Асмуса в 1942 г. было исключительно важно подчеркнуть принадлежность Канта к Просвещению, что являлось не только справедливым утверждением, но и, по мысли отечественного историка философии, сразу же освобождало кёнигсбергского философа от всяких подозрений относительно национал-социализма. С точки же зрения опубликованной в 1947 г. «Диалектики Просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера акцент на вовлеченности Канта в Просвещение, напротив, оказывался бы только отягчающим обстоятельством. Наконец, определенные упреки в адрес моральной философии Канта были озвучены и Х. Арендт в книге «Банальность зла» (1963 г.), поскольку нацистский преступник Эйхман ссылался в качестве оправдания своих действий помимо прочего на моральную философию Канта и его категорический императив [Арендт 2008, 204–206]. И хотя сама Арендт и подчеркивала, что эти оправдания представляют собой искажения Эйхманом категорического императива в духе «расхожего Канта для бедных», старая тема «бессодержательности» категорического императива, восходящая еще как минимум к Гегелю, обрела здесь новые оттенки, а именно ответственности за преступления против человечества. Сама апелляция к категорическому императиву во время Первой мировой войны со стороны Плеханова вызвала резкую критику в марксистской среде и продолжалась как минимум до начала Великой Отечественной войны, однако такая роль категорического императива, которая была описана Арендт, в ходе дискуссий военного времени также не обсуждалась.

С проблемой ответственности за свою философию Кант столкнулся еще при жизни – в 1790-е гг. этот вопрос был сформулирован относительно террора времен французской революции, который некоторые пытались поставить в вину и Канту. И.Ф. Аберг (1765–1840) передавал в этой связи следующие слова Канта: «Если свободно высказывают свои идеи о франц. революции, то сразу считаются некими якобинцами, хотя в своей основе, по меньшей мере в первые годы, они были, как и многие иные излюбленные идеи, видом игры в лошадки многих людей. Не следует никому мешать играть в свои лошадки на улице, только если он не требует, чтобы из-за этого покинули переулок или подражали ему, если на то нет охоты» [Abegg 1977, 179–180]¹⁷. Можно ли столь легко решить проблему ответственности таких великих и влиятельных мыслителей, как Кант, кивая на пример с игрой в лошадки, – весьма сомнительно, однако это уже предмет отдельного исследования.

Но какой бы проблематичной ни казалась нам сегодня защита кантовской философии со стороны философов-марксистов во время Великой Отечественной войны, именно благодаря ей незадолго до Победы произошло одно примечательное событие, которое во многом и по сей день соопределяет восприятие кантовской философии именно в России. По воспоминаниям Героя Советского Союза А.А. Белого, в апреле

1945 г. участвовавшего в штурме Кёнигсберга в районе Кафедрального собора, в штаб полка позвонил начальник политотдела дивизии и сказал: «...на вашем участке у стен собора находится могила Канта. Примите все меры, чтобы сохранить эту могилу, передайте требование командиру полка». Услышав невнятный ответ, полковник добавил: «Кант был большим другом Карла Маркса. Сообщите об этом командиру полка». Когда бойцы смогли пробиться к полуразрушенному собору, они обнаружили могилу Канта, после чего минометный обстрел прилегающей территории был прекращен. После капитуляции гарнизона Белый смог осмотреть могилу Канта, недоумевая при этом: «...если Кант был “другом Маркса”, то почему фашисты сохранили его могилу, и не где-нибудь, а у стен главного собора, в самом центре Кёнигсберга? Не мог же начальник политотдела ошибиться, назвав захороненного “другом Маркса”» [Солнцев 2012]. Если бы неизвестный сегодня офицер не пошел бы тогда на подобную хитрость, называя Канта другом Маркса – а хитрость эта в рамках марксизма-ленинизма была все же условная, – возможно, могила Канта была бы навсегда утеряна в ходе боя, а не являлась бы в российском Калининграде центром притяжения для интересующихся кантовской философией по всему миру.

Примечания

¹ Асмус придерживался именно такой, немецкой последовательности прилагательных, а не представлял их местами, как это обычно принято в русском языке. В такой же последовательности эти предикаты шли и в заглавии первого русского перевода, осуществленного Плехановым в 1892 г. Брошюра Асмуса подписана в печать 5 августа 1942 г.

² Статья предназначалась для № 7–8 журнала «Литературный современник» за 1939 г. Тезисы доклада, на основе которого была написана данная статья, все же были опубликованы [Тарле 1939б], как успела быть опубликована и его другая статья [Тарле 1939в]. См. об этом: [Цензура в Советском Союзе 2004, 286].

³ Более того, пока готовилась книга, эта статья была с согласия автора и редакции опубликована еще и во втором номере журнала «Историк-марксист» за 1938 г.

⁴ В статье 1936 г., несмотря на обширные пассажи про кантовское отрицание войны, сам трактат также не называется [Асмус 1936, 210–211].

⁵ Данная точка зрения, распространенная в первой четверти XX в. и особенно ярко проявившаяся в другом произведении Кассирера – в «Философии Просвещения» (1932 г.), – является одной из главных слабостей его позиции: сама специфика немецкого Просвещения и его важные отличия от французского Просвещения, похоже, даже не существовали для автора в качестве вопроса.

⁶ Поздняя монография Асмуса о Канте выгодно отличается в этом отношении от его ранних работ. Имя Деборина в ней даже не упоминается [Асмус 1973].

⁷ Однако, согласно архивным данным, том был сдан в печать еще в августе 1942 г., то есть одновременно с подписанием в печать брошюры Асмуса [Корсаков 2015, 186].

⁸ Само это произведение, тем не менее, упоминается Асмусом в разделе о социально-политических воззрениях Канта и в оригинале, и в переводе на русский – причем в корректном виде, в отличие от четвертого тома послевоенного шеститомника Канта под редакцией Асмуса, в котором перевод названия этого произведения 1785 г. был грубо искажен [Асмус 1943, 115; Кант 1965].

⁹ Оригинал письма в электронной форме (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 886. Л. 14–49) см.: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=49784>

¹⁰ Цитата из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса.

¹¹ См. также об опровержении агностицизма Канта у Сталина: [Щеглов 1940, 17].

¹² См. текст постановления Совнаркома за подписью В.М. Молотова от 18.05.1944 (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 227. Л. 357) в электронном виде: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/410819>

¹³ Специальные работы на эту тему выходили как до, так и во время войны [Бернардинер 1934; Быховский 1943].

¹⁴ Фотографию этого события см. на обложке издания: [Tilitzki 2002].

¹⁵ См. набросок доклада: [Baumgarten 1994, 177–191].

¹⁶ Как очень информативных и основательных [Tilitzki 2002], так и слабых и бессодержательных [Böhnigk 2000].

¹⁷ Ср. этот пример в кантовской «Антропологии» [Kant 1917, 203–204; Кант 1994, 230].

Источники и перевод – Primary Sources in Russian Translation

Texts of Russian and Soviet authors written and published between 1929 and 2005 on the theme “Kant and German militarism before and during the Great Patriotic War”; Kant, Hegel, Fichte, Engels, Arendt Works in Russian Translation.

Александров 2003а – *Александров Г.Ф.* Письмо Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову от 29 февраля 1944 г. // *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 79–84.

Александров 2003б – *Александров Г.Ф.* Письмо Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову от 3 мая 1944 г. // *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 106–107.

Арендт 2008 – *Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008.

Асмус 1929 – *Асмус В.Ф.* Диалектика Канта. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1929.

Асмус 1936 – *Асмус В.Ф.* Философская культура под сапогом фашизма // *Знамя.* 1936. № 3. С. 189–224.

Асмус 1937 – *Асмус В.Ф.* Фихте. О назначении ученого. Соцэкгиз, 1935 // Под знаменем марксизма. 1937. № 6. С. 193–199.

Асмус 1942а – *Асмус В.Ф.* Фашистская фальсификация классической немецкой философии. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1942.

Асмус 1942б – *Асмус В.Ф.* Фихте действительный и фашистский миф о Фихте // Под знаменем марксизма. 1942. № 7. С. 48–60.

Асмус 1943 – [*Асмус В.Ф.*] Кант // История философии / Под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. Т. 3: Философия первой половины XIX века. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1943. С. 56–137.

Асмус 1973 – *Асмус В.Ф.* Иммануил Кант. М., 1973.

Баммель 1936 – *Баммель Г.К.* О фашизации истории философии в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии. Сборник статей / Под ред. И.Н. Дворкина, А.М. Деборина, М.Д. Камари М.Б. Митина, М.А. Савельева. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936. С. 216–264.

Белецкий 1947 – *Белецкий З.Я.* [Речь] // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 314–325.

Белецкий 2003 – *Белецкий З.Я.* Письмо к И.В. Сталину от 27 января 1944 г. // *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 55–78.

Бернардинер 1934 – *Бернардинер Б.М.* Философия Ницше и фашизм. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1934.

Быховский 1943 – *Быховский Б.Э.* Фельдфебели в Вольтерах (фашизм и философия). М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1943.

Быховский 1943 – [*Быховский Б.Э.*] Гегель // История философии / Под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. Т. 3: Философия первой половины XIX века. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1943. С. 210–301.

Гегель 1959 – *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / Пер. Г.Г. Шпета. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.

История философии 1943 – История философии / Под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. Т. 3: Философия первой половины XIX века. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1943.

Каменский 1943 – *Каменский З.А.* «История философии». Т. III / Под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. Огиз. Госполитиздат, 1943 // Под знаменем марксизма. 1943. № 3. С. 86–95.

Кант 1965 – *Кант И.* Основы метафизики нравственности // *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1 / Под ред. В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1965. С. 219–310.

Кант 1994 – *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // *Кант И.* Собр. соч. В 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 7. М.: ЧОРО, 1994. С. 137–376.

О недостатках и ошибках 1944 – О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. // *Большевик.* 1944. № 7–8. С. 14–19.

Ойзерман 2005 – *Ойзерман Т.И.* Оправдание ревизионизма. М.: Канон+, 2005.

От редакции 1943 – От редакции // История философии / Под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. Т. 3: Философия первой половины XIX века. М., 1943. С. 2.

Разумный 2008 – *Разумный В.А.* Реальность фантастического // *Вестник Российского философского общества.* 2008. № 2 (46). С. 217–220.

Светлов 1944 – *Светлов В.И.* О недостатках в разработке вопросов истории западноевропейской и русской философии // *Вестник Академии наук СССР.* 1944. № 7–8. С. 23–29.

Сливкер 1939 – *Сливкер Б.Ю.* Философия Канта и Гегеля // Под знаменем марксизма. 1939. № 6. С. 147–166.

Сливкер 1940 – *Сливкер Б.Ю.* Немецкая классическая философия // Молодой большевик. 1940. № 3. С. 25–35.

Солнцев 2012 – *Солнцев Н.* Три встречи с Кантом // Красная звезда. 27.03.2012 <http://archive.redstar.ru/index.php/advice/item/1394-tri-vstrechi-s-kantom>

Сталин 1945 – *Сталин И.В.* О диалектическом и историческом материализме. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1945.

Сталин 1947 – *Сталин И.В.* К международному положению // *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1947. С. 280–301.

Тарле 1939а – *Тарле Е.В.* «Восточное пространство» и фашистская геополитика // Против фашистской фальсификации истории. Сборник статей / Под ред. Ф.И. Нотовича. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. С. 259–279.

Тарле 1939б – *Тарле Е.В.* Фашистская фальсификация исторической науки в Германии // 120 лет Ленинградского государственного университета. Научная сессия, посвященная 120-летней годовщине со дня основания университета (1819–1939), 16–20 апреля 1939 г. Тезисы докладов. Л.: Ленинградский государственный университет, 1939. С. 13–14.

Тарле 1939в – *Тарле Е.В.* Фашистские фальсификаторы истории // Вестник знания. 1939. № 7–8. С. 2–7.

Трайнин 1942 – *Трайнин И.П.* Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент: Государственное изд-во УзССР, 1942.

Трайнин 1944 – *Трайнин И.П.* Ответственность гитлеровской Германии за злодеяния и ущерб, нанесенные агрессией // Общее собрание Академии наук СССР 25–30 сентября 1943 г. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1944. С. 163–182.

Фихте 1916 – *Фихте И.Г.* Избранные сочинения. Т. 1 / Под ред. Е.Н. Трубецкого. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1916.

Цензура в Советском Союзе 2004 – Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А.В. Блюм. М.: РОССПЭН, 2004.

Щелгов 1940 – *Щелгов А.В.* Немецкая классическая философия (Кант, Гегель, Фейербах). Стенограмма лекций, прочитанных 11, 14 и 17 декабря 1939 г. [Курс диалектического и исторического материализма ВППШ при ЦК ВКП(б)] / Под ред. М.Б. Митина. М.: б. и., 1940.

Энгельс 1961а – *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии (1888) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. С. 269–317.

Энгельс 1961б – *Энгельс Ф.* Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. С. 312–323.

Источники на немецком, английском и французском языках – Primary Sources

450 Jahre Albertus-Universität (1944) 450 Jahre Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. 1544–1944–1994. Berichte und Dokumentationen zu ihrer jüngsten Geschichte. Die 400-Jahrfeier vom Juli 1944. Die wirtschaftlichen Staatswissenschaften 1900–1945, Franz Steiner Verlag, Stuttgart.

Abegg, Johann Friedrich (1977) Reisetagebuch von 1798. Erstausgabe, hrsg. von Walter Abegg, Jolanda Abegg in Zusammenarbeit mit Zwi Batscha, Insel Verlag, Frankfurt am Main.

Baeumler, Alfred (1923) Kants Kritik der Urteilskraft. Ihre Geschichte und Systematik, Bd. 1: Das Irrationalitätsproblem in der Aesthetik und Logik des 18. Jahrhunderts bis zur Kritik der Urteilskraft, Niemeyer, Halle.

Baumgarten, Eduard (1994) ‘Kant – Clausewitz’, 450 Jahre Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. 1544–1944–1994. Berichte und Dokumentationen zu ihrer jüngsten Geschichte. Die 400-Jahrfeier vom Juli 1944. Die wirtschaftlichen Staatswissenschaften 1900–1945, Franz Steiner Verlag, Stuttgart, pp. 177–191.

Dewey, John (1942) German philosophy and politics, Putnam, New York.

Dietrich, Otto (1935) Die philosophischen Grundlagen des Nationalsozialismus. Ein Ruf zu den Wäfen deutschen Geistes, Ferdinand Hirt, Breslau.

Engels, Friedrich (1975) ‘Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie’, Marx Karl, Engels Friedrich, Werke, Bd. 21, Dietz Verlag, Berlin, pp. 259–307.

Frank, Hans (1942) Technik des Staates, mit einem Vorwort von Ernst Letzgas, Deutscher Rechtsverlag, Berlin.

Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (1989) ‘Phänomenologie des Geistes’, Hegel, Georg Wilhelm Friedrich, Werke in 20 Bänden, Bd. 3, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, pp. 11–591.

Hegel in Berichten (1970) Hegel in Berichten seiner Zeitgenossen, hrsg. von Günter Nicolini, Meiner, Hamburg.

Holborn, Hajo (1950) 'The Science of History', The Interpretation of History, ed. by Joseph R. Strayer, Peter Smith, New York, pp. 61–83.

Hossbach, Friedrich (1954) 'Einflüsse Immanuel Kants auf das Denken preussisch-deutscher Offiziere', Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg/Pr., Bd. 4, pp. 139–145.

Immanuel Kant (1907) Immanuel Kant. Ein Lebensbild nach Darstellungen der Zeitgenossen Borowski, Jachmann, Wasianski, mit einem Vor- und Schlusswort enthaltend das Wichtigste aus Kant's Lehre von Hermann Schwarz, Hugo Peter, Halle.

Kant, Immanuel (1917) 'Anthropologie in pragmatischer Hinsicht', Kant's Gesammelte Schriften, hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften, Bd. VII, Georg Reimer, Berlin, pp. 117–334.

Reich, Klaus (1935) Kant und die Ethik der Griechen, Paul Siebeck Verlag, Tübingen.

Schwarz, Hermann (1933) Nationalsozialistische Weltanschauung. Freie Beiträge zur Philosophie des Nationalsozialismus aus den Jahren 1919–1933, Junker und Dünhaupt Verlag, Berlin.

Wundt, Max (1924) Kant als Metaphysiker: ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Philosophie im 18. Jahrhundert, Enke, Stuttgart.

Wundt, Max (1944) Die Wurzeln der deutschen Philosophie in Stamm und Rasse, Junker & Dünhaupt, Berlin.

Ссылки – References in Russian

Батыгин, Девятко 1993 – *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 7. С. 628–639.

Валентин Фердинандович Асмус 2010 – Валентин Фердинандович Асмус / Под ред. В.А. Жучкова, И.И. Блауберг. М.: РОССПЭН, 2010.

Корсаков 2015 – *Корсаков С.Н.* Институт философии и Великая Отечественная война // Философия науки и техники. 2015. № 2. С. 179–192.

Корсаков 2016 – *Корсаков С.Н.* Начальный этап «дела» З.Я. Белецкого (архивная публикация) // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 1. С. 164–179.

Корсаков 2018 – *Корсаков С.Н.* В.Ф. Асмус: коррективы к образу // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Под ред. М.С. Петровой. Вып. 4. М.: Аквилон, 2018. С. 391–414.

Петров 2018 – *Петров В.В.* В.Ф. Асмус и Андрей Белый в 1936 году // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Под ред. М.С. Петровой. Вып. 4. М.: Аквилон, 2018. С. 415–452.

References

Batygin, Gennadiy S., Devyatko, Inna F. (1993) "The Soviet philosophical community in the forties: why was the third volume of "The History of Philosophy" banned?", Vestnik rossiyskoy Akademii nauk, Vol. 7, pp. 628–639.

Böhnigk, Volker (2000) Kant und der Nationalsozialismus. Einige programmatische Bemerkungen über nationalsozialistische Philosophie, Bouvier Verlag, Bonn.

Geismann, Georg (2001) 'John Dewey's „Deutsche Philosophie und deutsche Politik“', Zeitschrift für Politikwissenschaft, Bd. 11, pp. 631–638.

Korsakov, Sergey N. (2015) "The Institute of Philosophy and the Great Patriotic war", Filosofiya nauki i tehniki, Vol. 2 (2015), pp. 179–192.

Korsakov, Sergey N. (2016) 'The initial stage of the Beletsky "case" (archival publication)', Filosofskiy zhurnal, Vol. 9, No. 1, pp. 164–179.

Korsakov, Sergey N. (2018) "V.F. Asmus: adjustments to the image", Intellectual Traditions in Past and Present, ed. by Maya S. Petrova, Vol. 4, Akvilon, Moscow, pp. 391–414.

Krouglov, Alexei N. (2011) 'Das Problem der Revolution in der Deutschen Aufklärung: Kant und Tetens', Cataldi Madonna, Luidgi, Rumore, Paola (Hg.), Kant und die Aufklärung. Akten der Kant-Tagung in Sulmona, 24.–28. März 2010, Olms, Hildesheim, pp. 371–391.

Krouglov, Alexei N. (2018) 'Kants Vorstellungen vom Krieg', Hüning, Dieter, Klingner, Stefan. (Hg.), ... jenen süßen Traum träumen. Kants Friedensschrift zwischen objektiver Geltung und Utopie. Nomos Verlag, Baden-Baden, pp. 91–108.

Leaman George, Simon Gerd (1994) 'Die Kant-Studien im Dritten Reich', Kant-Studien, Bd. 85, pp. 443–469.

Petrov, Valeriy V. (2018) "V.F. Asmus and Andrey Bely in 1936", Intellectual Traditions in Past and Present, ed. by Maya S. Petrova, Vol. 4, Akvilon, Moscow, pp. 415–452.

Tilitzki, Christian (2002) Die deutsche Universitätsphilosophie in der Weimarer Republik und im Dritten Reich, Tl. 2, Akademie Verlag, Berlin.

Zhuchkov, Vladimir A., Blauberg, Irina I., eds, (2010) Valentin Ferdinandovich Asmus, ROSSPEN, Moscow.

Сведения об авторе

КРУГЛОВ Алексей Николаевич –
доктор философских наук, профессор
кафедры истории зарубежной философии
философского факультета РГГУ.

Author's Information

KROUGLOV Alexei N. –
DSc in philosophy, professor,
Department of History of Foreign Philosophy,
Faculty of Philosophy, Russian State University
for the Humanities.